

Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 23—39.

Woman in Russian Society. 2024. No. 1. P. 23—39.

Научная статья

УДК 316.346.2(519.5)

DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.2

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ:
ИНДЕКС ОСЕВЫХ ИНСТИТУТОВ

Софья Михайловна Ребрей, Виктория Витальевна Богачева

Московский государственный институт международных отношений (университет),
Министерство иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, sofia rebrey@gmail.com

Аннотация. Республика Корея входит в число развитых экономик, претендующих на мировое лидерство на рынках высокотехнологической продукции и в области научно-технических достижений. Однако при этом страна известна широкой распространенностью дискриминирующих практик и уязвимым положением женщин. Настоящее исследование посвящено измерению положения женщин в Южной Корее в осевых институтах (семья и рынок труда, образование и наука, государственное и корпоративное управление), а также выявлению эффективных практик государственной политики по борьбе с неравенством и его последствиями.

Ключевые слова: гендерное равенство, индекс осевых институтов, неоплачиваемый труд, баланс «работа — семейная жизнь», женщины в науке, женщины в управлении, Республика Корея

Для цитирования: Ребрей С. М., Богачева В. В. Положение женщин в Республике Корея: индекс осевых институтов // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 23—39.

Original article

WOMEN'S POSITION IN THE REPUBLIC OF KOREA: AN AXIAL INSTITUTIONS INDEX

Sofia M. Rebrey, Viktoriya V. Bogacheva

Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, sofiarebrey@gmail.com

Abstract. The Republic of Korea is one of the developed economies claiming world leadership in the markets of high-tech products and in the field of scientific and technical achievements. However, at the same time, the country ranks low in the rankings of gender equality, the problem which is so complex that it affects all spheres of life of South Korean society. This study is concerned with measuring gender equality in South Korea in axial institutions (family and labor market, education and science, state and corporate governance), as well as identifying positive and negative trends in the context of government policies to tackle gender inequality. One of the main results of this study was the identification of predominantly positive trends in the development of gender equality in the Republic of Korea. Since the late 1990s the level of gender equality has been increasing, especially in the field of state and corporate governance, as well as in family and science mostly to pro-equality government policy. In the corporate sector, an additional factor for women's empowerment is a high degree of integration into the global economy and a willingness to cooperate with Western corporations. At the same time, the situation in the labor market is still quite pessimistic: a high level of horizontal segregation and large gaps in participation, wages and income. The phenomenon of double workload and the feminization of poverty remain serious problems in South Korea. Amid the intensification of conservative rhetoric in the political life of the Republic of Korea, the positive dynamics of the last fifteen years in the development of gender equality could be undermined; a solid foundation for equal opportunities has yet to be formed. Today, it is especially important to continue to expand the involvement of fathers and to study the socio-economic consequences of such a rapid transformation of the family model. It is also important to continue to increase the representation of women in state, corporate and academic institutions.

Key words: gender equality, axial institutions index, unpaid work, work —family life balance, women in science, women in governance, Republic of Korea

For citation: *Rebrey, S. M., Bogacheva, V. V. (2024) Polozhenie zhenshchin v Respublike Koreia: indeks osevykh institutov [Women's position in the Republic of Korea: an axial institutions index], Zhenshchina v rossiiskom obshchestve, no. 1, pp. 23—39.*

Искоренение всех форм дискриминации девочек и женщин — одна из основных целей человечества, зафиксированная в пятой цели устойчивого развития¹, что подразумевает достижение равенства прав и возможностей женщин и мужчин, а также равный доступ к ресурсам и благам. Расширение прав и возможностей женщин способствует раскрытию инновационного и технологического потенциала нации в результате, во-первых, эффективного распределения талантов (в соответствии со способностями, а не полом), во-вторых, выравнива-

¹ Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 29.08.2023).

ния баланса «работа — семейная жизнь», что положительно сказывается на качестве ухода за детьми (т. е. человеческом потенциале последующих поколений), укреплении браков и повышении рождаемости. Так, в экономике знаний инклюзивные условия труда, равные условия участия женщин и мужчин в оплачиваемом и неоплачиваемом труде являются важными составляющими и нынешней конкурентоспособности, и будущего потенциала. Это достигается за счет инклюзивной семейной и трудовой политики, адаптированной к нуждам и женщин, и мужчин [Ребрей и др., 2023].

Тем не менее не все развитые экономики характеризуются высоким уровнем равенства. Республика Корея занимает последние места в рейтингах гендерного равенства (например, согласно Всемирному экономическому форуму 2023 г. — 105-е место), что не мешает ей находиться на лидирующих позициях на рынках высокотехнологической продукции.

Настоящее исследование посвящено измерению женских возможностей и сравнению их с мужскими показателями в динамике в Республике Корея на основе индекса осевых институтов (с охватом таких сфер, как семья и рынок труда, образование и наука, государственное и корпоративное управление), а также социально-экономическим последствиям неравенства.

Критический обзор литературы

Связь положения женщин и экономического роста и развития привлекла внимание экономистов в середине прошлого века. Толчком послужила работа Э. Бозеруп о противоречивом влиянии модернизации Африки на положение женщин в сельском хозяйстве [Boserup, 1970]. Многочисленные исследования подтверждают позитивное влияние расширения прав и возможностей женщин на экономический рост и развитие, однако обратная связь не так однозначна. Например, ускоренная индустриализация азиатских экономик, особенно новых индустриальных стран второй и третьей волн, сопряжена с использованием дешевого женского труда в экспортно ориентированных отраслях, что позволяет сокращать издержки труда, повышать конкурентоспособность продукции и позитивно влиять на экономическую динамику [Seguino, 2000, 2010; Bandara, 2015; Kabeer, 2016; Kim et al., 2016; Elson, Seth, 2019; Bertay et al., 2020]. Тем не менее в долгосрочной перспективе плохие условия труда и низкие зарплаты приводят к резкому ухудшению женского здоровья в репродуктивном возрасте и здоровья следующих поколений, т. е. ухудшению качества человеческого капитала. Ухудшение качества человеческого капитала и потенциала также связано с неэффективным распределением талантов [Flouri, Buchanan, 2003; Cabrera et al., 2000; Lamb, 2010], слабой вовлеченностью женщин в системообразующие (осевые) институты, такие как управление и наука.

Ограниченные возможности женщин негативно сказываются не только на качестве человеческого капитала, но и на уровне рождаемости, тогда как расширение прав и возможностей женщин ведет к его росту [Da Rocha, Fuster, 2006; Myrskylä et al., 2011; Lacalle-Calderon et al., 2017; Duvander et al., 2019; Zhou, Kan, 2019]. Повышение рождаемости объясняется ростом вероятности регистрации брака, снижением вероятности разводов и в целом более стабильной атмосферой в

семье, что повышает вероятность рождения вторых и третьих детей и в основном достигается за счет вовлечения отцов в дела семьи [Ребрей и др., 2023].

Волны интереса к исследованию положения женщин в Корее часто совпадают с периодами активизации феминистского движения. С 2015 г. в Южной Корее наблюдается значительный рост интереса, в частности у молодых женщин, к феминистским идеям. Эта тенденция получила название «феминистская перезагрузка». В ее рамках наблюдается и увеличившееся число работ корейских авторов, посвященных феминизму и правам женщин. Многие из них, например Хван Чонми [Hwang, 2019], Ким Чжинсук [Kim, 2021], Сон Чжиэ [Seong, 2016], Со Чонмин и Чхве Соён [Seo, Choi, 2020], обращаются к анализу нынешнего этапа развития корейского феминизма, его истоков и отличительных черт. Большая часть исследователей отмечают особую актуальность изучения положения женщин в корейском обществе сегодня в связи с активной эксплуатацией этой темы южнокорейскими политиками. Другая важная мысль большинства работ связана с комплексностью проблемы как таковой, характерной буквально для всех сфер жизни корейского общества.

Данные и методы

Индикаторы, измеряющие возможности женщин и мужчин в осевых институтах, описывающие разрыв в женских и мужских показателях, отбираются по принципу доступности, понятности, простоты и призваны характеризовать как доступность благ, так и равенство возможностей. Набор индикаторов и источников представлен в таблице 1. Анализ индикаторов дополнен изучением социально-экономической политики и национальной институциональной специфики.

Таблица 1

Осевые институты и индикаторы измерения

Институт	Индикатор — гендерный разрыв	Источник
Семья	Участие в уходе за детьми и другими близкими*	KOSIS (Korean Statistical Information Service)
	Участие в домашнем хозяйстве*	
Рынок труда	Участие в оплачиваемой занятости	МОТ
	Оплата труда	ОЭСР
Образование	Охват первичным, вторичным и третичным образованием	ЮНЕСКО
	Индекс горизонтальной сегрегации в высшем образовании**	
Наука	Доля женщин PhD	ЮНЕСКО
	Доля женщин в управлении наукой	
Государственное управление	Доля женщин в кабинете министров	Всемирный банк
	Доля женщин в парламенте	
Корпоративное управление	Доля фирм с женщинами, входящими в советы директоров	Всемирный банк
	Доля фирм с женщинами — топ-менеджерами	

* Обратный гендерный разрыв (отношение мужских показателей к женским).

** Рассчитывается как среднее арифметическое гендерных разрывов участия в гуманитарных и технических направлениях обучения в бакалавриате.

Результаты исследования

Институт семьи

Глубоко укоренившаяся в культуре и мировоззрении корейцев патриархальная модель семьи серьезно ограничивает возможности кореянок в результате неравномерного распределения домашней нагрузки. Гендерный разрыв во временных затратах на домашний труд в 2019 г. в среднем составлял 3,4, что сопоставимо с уровнем арабских и африканских развивающихся стран. Замужние женщины в среднем тратят 5 часов 24 минуты на неоплачиваемый домашний труд в день, что более чем в 2,5 раза превышает мужские затраты. 97,0 % замужних женщин и чуть более половины женатых мужчин — 57,4 % — заняты домашним трудом. В уходе за детьми и другими близкими участвуют 44,0 % замужних кореянок и всего 22,6 % мужчин, что свидетельствует как о низкой фертильности, так и о малой степени вовлеченности мужчин в уход за ребенком. Основным фактором домашней занятости и разрывов выступает брачный статус: среди незамужних кореянок затраты составляют около 2 часов и равны мужским. Разрыв временных затрат на оплачиваемый труд в браке, напротив, сокращается, формируя самую занятую когорту населения в Южной Корее — работающих матерей, которые тратят более 11 часов в сутки на оплачиваемую и неоплачиваемую занятость, что называется эффектом двойной нагрузки. В оплачиваемой занятости участвуют менее половины замужних женщин — 44,0 %².

Эффект двойной нагрузки влечет целый ряд негативных последствий как для самих женщин, так и для детей, семей, для национальной экономики. Двойная нагрузка приводит к сокращению женских возможностей, деградации здоровья, сокращению доходов, феминизации бедности, горизонтальной и вертикальной сегрегации и обесцениванию женского оплачиваемого труда. Сверхнагрузки неизбежно приводят к снижению качества женского труда, что негативно сказывается в первую очередь на качестве человеческого капитала будущего поколения, а также на его количестве. Рождаемость в Южной Корее самая низкая среди стран ОЭСР: в 2022 г. коэффициент рождаемости составил 0,78³.

² Participation rates in activities by marital status, 2019 // KOSIS. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_2019_019_1TM1041X&vw_cd=MT_ETITLE&list_id=B_9_002_001&scrId=&language=en&seqNo=&lang_mode=en&obj_var_id=&itm_id=&conn_path=MT_ETITLE&path=%252Feng%252FstatisticsList%252FstatisticsListIndex.do (дата обращения: 30.08.2023).

³ Vital statistics of Korea // KOSIS. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1B8000F&vw_cd=MT_ETITLE&list_id=A2_6&scrId=&seqNo=&language=en&obj_var_id=&itm_id=&conn_path=A6&path=%252Feng%252Fsearch%252FsearchList.do (дата обращения: 29.08.2023).

Тем не менее наблюдается устойчивая позитивная динамика и постепенное выравнивание гендерного дисбаланса в распределении домашнего труда, что является результатом последовательной политики по вовлечению отцов в домашний неоплачиваемый труд.

Для стимулирования рождаемости правительство еще в 1995 г. вводит непередаваемый отцовский отпуск по уходу за ребенком (подробнее см. табл. 2), а в 2001 г. делает его оплачиваемым [Kim, Lundqvist, 2023]. Непередаваемый отцовский отпуск остается очень коротким и составляет всего 10 дней (был увеличен с 3 дней) [Information on the Implementation... , 2022]. Другим инструментом повышения отцовского участия выступает гибкий годовой отпуск по уходу за ребенком: первые 3 месяца годового отпуска родителю выплачивается 80 % заработка, в последующие 9 месяцев — 50 %. Однако в случае, когда родители по очереди берут отпуск по уходу за ребенком, пособие за первые 3 месяца, взятые вторым родителем, увеличивается до 100 % заработка. Обычно первыми из родителей уходят в отпуск женщины, следовательно, данная мера направлена именно на поддержку участия мужчин в процессе воспитания детей. Эти дополнительно оплачиваемые месяцы даже получили неофициальное название «папины месяцы» (appaui dal / 아빠의 달) [Kim, 2020]. Такая политика оказалась очень результативной: в 2021 г. доля отцов среди родителей, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, составила 22,7 %⁴ по сравнению с 13,4 % в 2018 г. и 2,0 % в 2010 г. [ibid.]. Для сравнения: в Японии доля мужчин, уходящих в отпуск для ухода за ребенком, значительно меньше — 15,3⁵. Число корейских родителей, воспользовавшихся «папиными месяцами», также выросло на 48,2 % (с 6606 чел. в 2018 г. до 9796 чел. в 2019 г.). При этом подавляющая их часть — 87,8 % — отцы. В случае если мужчина уходит в отпуск по уходу за ребенком, он в среднем находится в нем 6,6 месяцев: порядка 40 % — менее 3 месяцев, 39 % — 9—12 месяцев. Женщины чаще берут более продолжительный отпуск: 9—12 месяцев выбирают более 70 % матерей, менее 3 месяцев — лишь 10 % [ibid.].

Женщины в Корее продолжают неохотно брать отпуск по уходу за ребенком. В 2019 г. доля женщин, воспользовавшихся специальным отпуском по беременности и родам, от общего числа родивших составила примерно 24 % (73 306 чел.). Выделяются три основные причины столь невысокого показателя: низкий уровень полной занятости (многие роженицы не являются трудоустроенными и не могут взять официальный отпуск), ограниченный охват предоставляемого страхования, отсутствие права на подобный отпуск у самозанятых женщин [Kim, 2020].

⁴ Korean fathers miss out on OECD's longest paternity leave // The Korea Herald. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20230606000119> (дата обращения: 30.08.2023).

⁵ Ibid.

Таблица 2

**Развитие политики в отношении отпуска по уходу за ребенком
в Республике Корея, 1995—2021 гг.**

Год	Реформа	Цель
1995	Введение неоплачиваемого отпуска по уходу за ребенком для отцов сроком на 1 год (вместо работающих супругов)	Обеспечить равные возможности для мужчин и женщин
2001	Усиление охраны материнства (продлением декретного отпуска с 60 до 90 дней), введение оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком для обоих родителей (с фиксированным пособием в размере 0,2 млн вон)* до тех пор, пока ребенку не исполнится 1 год	Предотвратить снижение уровня рождаемости и повысить гендерное равенство, обеспечить поддержку доходов работникам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, и содействовать социальному обеспечению
2006	Повышение максимального возраста детей с 1 до 3 лет в качестве периода, когда родители могут взять отпуск по уходу за ребенком	Поощрять использование отпуска по уходу за ребенком
2008	Введение 3-дневного неоплачиваемого отпуска по уходу за ребенком для мужчин	Продвигать культуру гендерного равенства и поощрять мужчин использовать отпуск по уходу за ребенком
2010	Повышение максимального возраста детей до 6 лет в качестве периода, когда родители могут взять отпуск по уходу за ребенком	Повысить коэффициент рождаемости в «преддверии» тенденций низкой рождаемости и старения населения и поощрять экономическую активность женщин путем принятия многогранных мер, способствующих балансу между работой и личной жизнью
2011	Введение пособия по фиксированной ставке за отпуск по уходу за ребенком (40 % от заработной платы, максимальный размер 1 млн вон, минимальный — 0,5 млн)	Расширить возможности для получения отпуска по уходу за ребенком в целях создания условий, способствующих балансу между работой и семейной жизнью
2012	Продление отпуска по уходу за ребенком до 5 дней, с включением оплачиваемого работодателем пособия на полный рабочий день в течение 3 дней	Обеспечить расширенные меры, способствующие балансу между работой и личной жизнью, в ответ на тенденцию к снижению рождаемости и старению общества
2014	Введение системы премиального поощрения для второго лица, берущего отпуск, под названием «папины месяцы» (ограничение в 1,5 млн вон) и повышение максимального возраста детей до 8 лет в качестве периода, когда родители могут взять отпуск по уходу за ребенком	Сократить потерю дохода во время отпуска по уходу за ребенком, поощрять отцов брать отпуск по уходу за ребенком и облегчить обязанности женщин по уходу за детьми

Окончание табл. 2

Год	Реформа	Цель
2016	Продление срока действия премиальных поощрений («папины месяцы») для второго увольняющегося до 3 месяцев	Увеличить использование отцами отпуска по уходу за ребенком
2017	Увеличение пособия по уходу за ребенком в течение первых 3 месяцев до 80 % от заработной платы (с максимальным размером 1,5 млн вон и минимальным 0,7 млн)** и увеличение максимального размера премиальных поощрений для второго лица, взявшего отпуск, до 2 млн вон	Поощрять как мать, так и отца брать отпуск по уходу за ребенком, даже если не полностью, путем увеличения пособий на первые 3 месяца; способствовать созданию условий, гарантирующих равные возможности для получения отпуска по уходу за ребенком и предотвращающих прерывание карьеры женщин
2019	Увеличение пособий по истечении 3 месяцев до 50 % от заработной платы (с максимальной суммой 1,2 млн вон и минимальной — 0,7 млн вон), увеличение максимальной суммы премиальных стимулов для второго работника, берущего отпуск, до 2,5 млн вон и продление отпуска по уходу за ребенком до 10 дней (плата за полный рабочий день разделена между правительством и работодателем)	Свести к минимуму потерю дохода, поощрять использование мужчинами отпуска по уходу за ребенком и максимально увеличить количество времени, которое родители могут проводить с детьми
2020	Введение возможности для обоих родителей одновременно брать отпуск по уходу за ребенком	Поощрять использование отцами отпуска по уходу за ребенком

* Размер пособия увеличился до 0,3 млн вон в 2003 г., 0,4 млн вон в 2004 г. и 0,5 млн вон в 2007 г.

** Размер пособия на оставшееся время был на уровне 40 %, максимальная величина 1 млн вон, минимальная — 0,5 млн вон [Kim, Lundqvist, 2023].

Относительно недавно — в 2008 г. — Южная Корея окончательно отказалась от системы *хожжу* (호주), в соответствии с которой лишь мужчина мог считаться официальным главой семьи. В числе центральных элементов системы был семейный реестр *хожжок* (호적), ранее игравший роль одного из главных документов в семейном праве. В соответствии с данной системой после смерти мужа права наследования переходили его старшему сыну (вне зависимости от его возраста), а не вдове. Девушка, выходя замуж, выписывалась из семейного реестра ее отца и добавлялась в *хожжок* ее мужа, туда же вписывались и их дети. При этом даже в случае развода и сохранения за матерью прав на опеку дети сохраняли фамилию отца и относились к его семейному реестру⁶, а для

⁶ Abolishing the hoju system // The Korea Herald. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud= я20050323000033> (дата обращения: 27.02.2023).

оформления любых документов требовалось письменное согласие отца⁷. Отсутствие у пары ребенка-мальчика фактически означало конец рода [Korea's Family Registration Law, 2018].

В 2005 г. корейский Конституционный суд признал данную систему законодательно закрепленным механизмом консервирования передававшейся из поколения в поколение патриархальной семейной структуры⁸. С 2008 г. в Республике Корея действует обновленное семейное законодательство, в соответствии с которым была упразднена система хочжу и реестры хочжок, стало возможным давать детям фамилию матери, а также отчима даже без согласия биологического отца, но при положительном решении суда [ibid.]. Однако на сегодняшний день в обществе сохраняется тенденция, в соответствии с которой в большинстве случаев собственниками имущества являются мужчины⁹, в процессе наследования внутри семей предпочтение чаще отдается сыновьям, а не дочерям.

Южнокорейские женщины сталкиваются с двойным бременем, вынуждающим их уделять меньше время работе и, следовательно, ограничивающим возможность обеспечения полной экономической независимости. Препградой для ее достижения также, повторим, является преимущественное положение мужчин в вопросах собственности на имущество. О тяжелом экономическом положении женщин в южнокорейском обществе свидетельствуют и высокие показатели женской бедности.

По феминизации бедности Республика Корея находится среди лидеров в странах ОЭСР: в 2020 г. 49,3 % женских домохозяйств были на пороге бедности, 42,1 % оставались бедными и 34,5 % — крайне бедными [Kim et al., 2022]. Стоит отметить значительное ухудшение ситуации с 2006 г., тогда данные показатели составляли 34,1, 30,2 и 28,7 % соответственно¹⁰. При этом мужских домохозяйств, переживающих бедность или находящихся далеко за чертой бедности, значительно меньше — менее 20 % [ibid.]. Данные показатели свидетельствуют о низком уровне экономической поддержки нетрадиционных домохозяйств.

Рынок труда

На февраль 2023 г. уровень экономической активности женского населения Республики Корея составил 54,2 %¹¹, что почти на 4 п. п. выше, чем в 2005 г. Несмотря на позитивную динамику, Южная Корея значительно отстает от среднего уровня стран ОЭСР — 65 %¹². Гендерный разрыв в экономической

⁷ Korea: the family registration system («hoju»); who has access to the system and whether or not individuals can access information on other families // Refworld. URL: <https://www.refworld.org/docid/47d6545fc.html> (дата обращения: 27.02.2023).

⁸ Abolishing the hoju system.

⁹ 1인 가구 절반은 ‘가난’... 여성·노인에 더 가혹한 빈곤의 늪 // 한겨레. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/society/rights/1087115.html> (дата обращения: 25.07.2023).

¹⁰ Song C. Women in Korea 2020: Statistical Handbook. Korean Women's Development Institute, 2020. P. 62.

¹¹ Economically Active Population Survey in February 2023 / Korea National Statistical Office. Social Statistics Bureau Employment Statistics Division, 2023.

¹² Gender Equality: Korea Has Come a Long Way, but There is More Work to Do. URL: <https://www.oecd.org/country/korea/thematic-focus/gender-equality-korea-has-come-a-long-way-but-there-is-more-work-to-do-8bb81613/> (дата обращения: 21.03.2023).

активности составляет 18 %. Уровень безработицы также, хоть и ненамного, выше среди женщин¹³.

По материалам ОЭСР, по уровню гендерного разрыва в заработной плате на 2022 г. Республика Корея занимает последнее место с показателем 31,1 %. За последние 20 лет он снизился на 10 п. п., но все еще очень далек от среднего уровня стран ОЭСР — 11,9 %¹⁴.

Рынок труда характеризуется высоким уровнем горизонтальной сегрегации и наличием ярко выраженного разделения на мужские и женские отрасли. Например, в обрабатывающей промышленности традиционно работает больше мужчин, однако в пищевой промышленности, гостиничном бизнесе, торговле и образовании выше доля женщин [Lee, 2017: 403].

Образование и наука

Женское население характеризуется более высоким уровнем образования: гендерный разрыв в высшем образовании составляет 120,0 %, а доля женщин среди бакалавров и магистров в 2020 г. — соответственно 52,3 и 53,4 %¹⁵.

Горизонтальная сегрегация в образовании практически отсутствует: на гуманитарных направлениях в 2020 г. большинство составляли женщины — 64,4 %, а на технических мужчины — 55,6 %¹⁶. Доля женщин среди студентов STEM-направлений растет: в 2012 г. она составляла 27,0 %, в 2021 г. — 30,3 %, причем именно за счет инженерного дела, где доля женщин выросла до 22,0 %¹⁷.

В науке женщины составляют всего 19,0 %, хотя докторскую степень получает гораздо большая доля — 38,4 %, на уровне профессуры доля женщин сокращается до 17,7 %. В технических науках положение женщин еще хуже: Республика Корея занимает 3-е место с конца среди стран ОЭСР, обгоняя Японию и Бразилию¹⁸.

Тем не менее в управлении наукой доля женщин существенно выше, чем во многих других странах, и составляет 12,4 % среди ректоров, увеличившись на 4 п. п. за последние 20 лет¹⁹.

Государственное и корпоративное управление

Средняя доля женщин на руководящих должностях в 2022 г. составила 14,6 % при среднем показателе 33,8 % в странах ОЭСР²⁰. Средняя доля женщин на руководящих позициях в компаниях — около 30 %, при этом в фирмах с чис-

¹³ Economically Active Population Survey in February 2023.

¹⁴ Earnings and Wages — Gender Wage Gap — OECD Data. URL: <https://data.oecd.org/earnwage/gender-wage-gap.htm> (дата обращения: 21.03.2023).

¹⁵ Song C. Op. cit. P. 23.

¹⁶ Ibid. P. 22.

¹⁷ 2021 STEM Workforce in Korea: Women and Men in Science, Technology, Engineering and Mathematics. Korea Foundation for Women in Science, Engineering and Technology (WISSET), 2023.

¹⁸ Song C. Op. cit. P. 23.

¹⁹ Ibid.

²⁰ The economist's glass-ceiling index // The Economist. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/glass-ceiling-index> (дата обращения: 21.03.2023).

ленностью сотрудников более 1000 человек эта доля составляла всего 19,0 %, в финансовом секторе — 42,0 %, в обрабатывающей промышленности — 26,0 %, секторе услуг — 24,0 %. Показатель выше в фирмах с иностранными инвестициями и иностранными работниками (34,0 против 28,0 % и 36,0 против 27,0 % соответственно). Доля женщин-руководителей также выше в фирмах с наличием политики обеспечения равных возможностей (35,0 против 24,0 %) [Patterson, Chang, 2016: 14]. Доля женщин в составе советов директоров компаний тоже отстает от среднего показателя для развитых стран и в 2022 г. составила 12,8 %²¹. В советах директоров чеболей — ведущих игроков южнокорейской экономики — обычно 1 или 2 женщины среди 7—13 членов совета.

Уровень политической репрезентации женщин в Республике Корея остается достаточно низким. В результате парламентских выборов 2020 г. депутатами Национального собрания стало самое большое число женщин в истории — 19,0 %²², это разительно отличается от показателя 5,9 % в 2003 г.²³ и стало следствием введения электоральных квот в 2004 г. (не менее 51 % женщин в партийных списках на выборах). Помимо этого, большинство из занявших места в парламенте женщин в 2020 г. были членами двух главных партий: демократической партии «Тобуро» (27) и «Сила народа» (21)²⁴. Более того, из 26 женщин-депутатов, избранных в одномандатных округах, лишь 3 являлись кандидатами не в столичном регионе²⁵, что свидетельствует о гораздо меньшей актуальности и распространенности идей политического участия женщин в жизни страны в регионах.

В исполнительной власти в 2020 г. также зафиксирован рекордный показатель по доле женщин — 33,0 %²⁶. Однако к декабрю 2023 г. число женщин в верхних эшелонах исполнительной власти сократилось до 2: министра окружающей среды Хан Хвачжин и руководителя Министерства малого и среднего бизнеса и стартапов О Ёнчж²⁷. Место главы Министерства гендерного равенства, которое до отставки в сентябре 2023 г. занимала Ким Хёнсук, остается сво-

²¹ Ibid.

²² Five things to know about women and South Korea's 2020 elections // Washington Post. 2020. November 5. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/05/11/five-things-know-about-women-south-koreas-2020-elections/> (дата обращения: 26.03.2023).

²³ 여성 국회의원 비율 // KOSIS. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1ZGAE20 (дата обращения: 26.03.2023).

²⁴ Current members // The National Assembly of the Republic of Korea. URL: <https://korea.assembly.go.kr:447/portalEn/assm/membrby/memSearch.do?menuNo=1500086> (дата обращения: 02.05.2023).

²⁵ Women's presence in politics still limited in South Korea // International Knowledge Network of Women in Politics. URL: <https://www.iknowpolitics.org/en/news/world-news/women%E2%80%99s-presence-politics-still-limited-south-korea> (дата обращения: 26.03.2023).

²⁶ Ratio of female lawmakers, ministers in S. Korea hits record high // Yonhap News Agency. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200904007000315> (дата обращения: 26.03.2023).

²⁷ Cabinet // The Official Website of the Republic of Korea. URL: <https://www.korea.net/Government/Administration/Cabinet> (дата обращения: 26.03.2023).

бодным. Доля женщин в судебной системе страны составляет почти треть: на 2022 г. приблизительно 30 % судей являются женщинами, однако их доля среди работников полиции составляет 4 % [Moon, 2022].

Введение электоральных квот стремительно расширяет возможности корейских женщин в государственной власти, тогда как жесткая иерархическая структура корпоративного бизнеса сохраняется на стабильно низком уровне.

Выводы и дискуссия

Хотя положение женщин в Республике Корея остается на достаточно низком уровне, активная политика по расширению прав и возможностей женщин, которой придерживается правительство начиная с конца 1990-х гг. (введение непередаваемого отцовского отпуска и «папиных дней», электоральных квот, увеличение числа женщин в управлении наукой, а также женщин в STEM), показывает впечатляющие результаты: разрывы в женских и мужских возможностях сокращаются, особенно в сфере государственного управления, в семье и науке. Возможности женщин в образовании характеризуются малыми разрывами с мужчинами, что проявляется в крайне низком уровне горизонтальной сегрегации в образовании. Однако рынок труда представляет более печальную картину — с более высоким уровнем горизонтальной сегрегации и большими разрывами в уровне участия, оплате труда и доходах. Думается, что по мере сокращения дисбаланса в семье рынок труда будет предъявлять более схожие требования к женщинам и мужчинам, нивелируя эффект «штрафа за материнство».

Основным драйвером расширения прав и возможностей женщин выступает проактивная политика и увеличение репрезентации женщин во власти на фоне не менее активной политики по стимулированию рождаемости, нацеленной на вовлечение отцов и выравнивание баланса «работа — семейная жизнь».

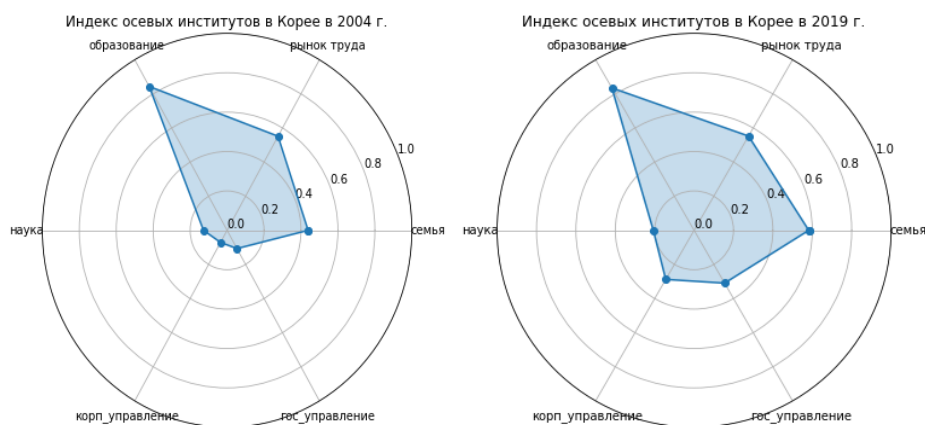
Однако в корпоративном секторе основным драйвером расширения прав и возможностей женщин выступает фактор высокой степени интеграции обрабатывающей промышленности и услуг в глобальную экономику и стремление к партнерству с западными корпорациями. Так, в западных филиалах, работающих на территории Республики Корея, и в международных альянсах доля женщин-руководителей и показатель их участия в принятии решений значительно выше.

Третьим фактором, способствующим позитивной динамике расширения прав и возможностей женщин, выступает наращивание женской представленности в управлении наукой, благодаря чему результаты женских исследований интегрируются как в академический дискурс, так и в формирование социально-экономической политики.

Тем не менее, в сравнении с другими развитыми экономиками, возможности корейских женщин серьезно ограничены, что выражается в феномене двойной нагрузки и феминизации бедности. Препградой для достижения корейками экономической независимости становится также и преимущественное положение мужчин в вопросах собственности как следствие долгое время существовавших дискриминирующих наследственных законов и практик.

В целом положительная динамика последних 15 лет, с одной стороны, характеризуется как значительный прогресс (рис.), с другой — нельзя сказать, что уже сформирован прочный фундамент для равных возможностей.

На данном этапе велики риски отката и консервации традиционных гендерных ролей на фоне все большего вовлечения женщин в оплачиваемый труд, что неизбежно в стареющем обществе. Можно сказать, что корейское общество находится в самом эпицентре трансформации ценностной системы. Ориентация на экономическую эффективность, сверхнизкая рождаемость и стремление к партнерству с западными корпорациями составляют серьезную поддержку эгалитарным ценностям.



Индекс осевых институтов в Республике Корея в 2004 и 2019 гг.
(сост. на основе материалов табл. 1)

Однако иногда именно в пронаталистской политике побеждают ультраправые силы, де-факто заменяя ее на пролайферскую. Примером этой тенденции стали президентские выборы 2022 г., в ходе которых победу одержал представитель консервативных сил, выступавший за разгон Министерства семьи и гендерного равенства, обвинявший женщин, в частности феминисток, в низкой рождаемости и вытекающих из нее экономических проблемах. Президент Юн Согёль не стал воплощать в жизнь свои столь радикальные идеи после вступления в должность. Тема женских прав и возможностей отошла в деятельности его правительства на задний план, особенно в сравнении с активной политикой предыдущего президента-демократа Мун Чжэина в этом направлении.

Таким образом, на современном этапе важно прежде всего продолжать расширять вовлеченность отцов и изучать социально-экономические последствия стремительной трансформации семейной модели. Не менее важно продолжать повышать представленность женщин в институтах государственной, корпоративной и академической власти.

Список источников

- Ребрей С. М., Комиссарова Ж. Н., Киселева И. В., Пастухова Д. Р. Стимулирование рождаемости на фоне расширения прав и возможностей женщин: актуальные инструменты семейной и трудовой политики // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 2. С. 80—93.
- Bandara A. The economic cost of gender gaps in effective labor: Africa's missing growth reserve // *Feminist Economics*. 2015. Vol. 21. P. 162—186.

- Bertay A. C., Dordevic L., Sever C.* Gender Inequality and Economic Growth: Evidence from Industry-Level Data: IMF Working Paper № 20/119. 2020. April. 43 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3658594> (дата обращения: 22.03.2023).
- Boserup E.* Woman's Role in Economic Development. New York: St. Martin's Press, 1970. 283 p.
- Cabrera N. et al.* Fatherhood in the twenty-first century // *Child Development*. 2000. Vol. 71, № 1. P. 127—136.
- Da Rocha J. M., Fuster L.* Why are fertility rates and female employment ratios positively correlated across O.E.C.D. countries? // *International Economic Review*. 2006. Vol. 47, № 4. P. 1187—1222.
- Duvander A.-Z. et al.* Parental leave policies and continued childbearing in Iceland, Norway, and Sweden // *Demographic Research*. 2019. Vol. 40. P. 1501—1528.
- Elson D., Seth A.* Gender Equality and Inclusive Growth: Economic Policies to Achieve Sustainable Development. New York: UN Women, 2019. 143 p.
- Flouri E., Buchanan A.* The role of father involvement in children's later mental health // *Journal of Adolescence*. 2003. Vol. 26, № 1. P. 63—78.
- Hwang J.-M.* Gendering democracy after democratization in Korea public feminism and politics of identity // *Journal of the Korean Welfare State and Social Policy*. 2019. Vol. 3, № 1. P. 43—65.
- Information on the Implementation of the Agreed Conclusions on «Women's Economic Empowerment in the Changing World of Work» (Republic of Korea). UN Women, 2022. P. 1—6.
- Kabeer N.* Gender equality, economic growth, and women's agency: the «endless variety» and «monotonous similarity» of patriarchal constraints // *Feminist Economics*. 2016. Vol. 22. P. 295—321.
- Kim J., Lee J.-W., Shin K.* A Model of Gender Inequality and Economic Growth. Asian Development Bank, 2016. 30 p.
- Kim H.* Korea country note // *International Review of Leave Policies and Research 2020*. 2020. URL: http://www.leavenetwork.org/lp_and_r_reports/ (дата обращения: 21.03.2023).
- Kim J.* Sticky activism: the Gangnam station murder case and new feminist practices against misogyny and femicide // *Journal of Cinema and Media Studies*. 2021. Vol. 60, iss. 4. P. 37—60.
- Kim T., Han S., Lee J.-M.* Statistical yearbook of poverty 2022 // 한국보건사회연구원. China Statistics Press, 2022. P. 35—82.
- Kim Y., Lundqvist Å.* Parental leave reforms in South Korea, 1995—2021: policy translation and institutional legacies // *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 2023. Vol. 30, iss. 4. P. 1113—1136.
- Korea's Family Registration Law, 2018 / The Law Office of Jeremy D. Morley. URL: <https://www.international-divorce.com/family-registration-law-korea.htm> (дата обращения: 27.02.2023).
- Lacalle-Calderon M. et al.* Fertility and economic development: quantile regression evidence on the inverse J-shaped pattern // *European Journal of Population*. 2017. Vol. 33, № 1. P. 1—31.
- Lamb M. E.* How do fathers influence children's development? Let me count the ways // *The Role of the Father in Child Development*. 5th ed. John Wiley & Sons, 2010. P. 1—26.
- Lee Y.* Women workforce in the Korean context // *International Review of Management and Marketing*. 2017. Vol. 7, iss. 1. P. 403—412.
- Moon K. H.* South Korea's misogyny problem // *East Asia Forum*. 2022. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2022/12/09/south-koreas-misogyny-problem/> (дата обращения: 26.03.2023).
- Myrskylä M., Kohler H., Billari F.* High Development and Fertility: Fertility at Older Reproductive Ages and Gender Equality Explain the Positive Link: MPIDR Working

Paper № 2011-017. 2011. October. 55 p. URL: http://www.researchgate.net/publication/254404965_High_Development_and_Fertility_Fertility_at_Older_Reproductive_Ages_and_Gender_Equality_Explain_the_Positive_Link (дата обращения: 28.03.2023).

- Patterson L., Chang H.* Post-feminism in Korea and its impact on equal opportunity policies on gender gap // *International Journal of Knowledge and Innovation in Business*. 2016. Vol. 3, № 2. P. 1—34.
- Seguino S.* Gender inequality and economic growth: a cross-country analysis // *World Development*. 2000. Vol. 28. P. 1211—1230.
- Seguino S.* Gender, distribution, and balance of payments constrained growth in developing countries // *Review of Political Economy*. 2010. Vol. 22, № 3. P. 373—404.
- Seo J., Choi S.* Introduction // *Journal of Asian Sociology*. 2020. Vol. 49, № 4. P. 371—398.
- Seong J.* Megalia: South Korea, Feminism, and the Internet Walk into a Bar... An STS Analysis of Nascent Korean Feminism. 2016. P. 2—11. URL: https://www.researchgate.net/publication/326331639_Megalia_South_Korea_feminism_and_the_Internet_walk_into_a_bar_An_STS_analysis_of_nascent_Korean_feminism (дата обращения: 26.03.2023).
- Zhou M., Kan M.-Y.* A new family equilibrium? Changing dynamics between the gender division of labor and fertility in Great Britain, 1991—2017 // *Demographic Research*. 2019. Vol. 40. P. 1455—1500.

References

- Bandara, A. (2015) The economic cost of gender gaps in effective labor: Africa's missing growth reserve, *Feminist Economics*, vol. 21, pp. 162—186.
- Bertay, A. C., Dordevic, L., Sever, C. (2020) *Gender Inequality and Economic Growth: Evidence from Industry-Level Data*: IMF Working Paper no. 20/119, April, available from <https://ssrn.com/abstract=3658594> (accessed 22.03.2023).
- Boserup, E. (1970) *Woman's Role in Economic Development*, New York: St. Martin's Press.
- Cabrera, N. et al. (2000) Fatherhood in the twenty-first century, *Child Development*, vol. 71, no. 1, pp. 127—136.
- Da Rocha, J. M., Fuster, L. (2006) Why are fertility rates and female employment ratios positively correlated across O.E.C.D. countries?, *International Economic Review*, vol. 47, no. 4, pp. 1187—1222.
- Duvander, A.-Z. et al. (2019) Parental leave policies and continued childbearing in Iceland, Norway, and Sweden, *Demographic Research*, vol. 40, pp. 1501—1528.
- Elson, D. (2019) *Gender Equality and Inclusive Growth: Economic Policies to Achieve Sustainable Development*, New York: UN Women.
- Flouri, E., Buchanan, A. (2003) The role of father involvement in children's later mental health, *Journal of Adolescence*, vol. 26, no. 1, pp. 63—78.
- Hwang, J.-M. (2019) Gendering democracy after democratization in Korea public feminism and politics of identity, *Journal of the Korean Welfare State and Social Policy*, vol. 3, no. 1, pp. 43—65.
- Information on the Implementation of the Agreed Conclusions on "Women's Economic Empowerment in the Changing World of Work" (Republic of Korea)* (2022), UN Women.
- Kabeer, N. (2016) Gender equality, economic growth, and women's agency: the "endless variety" and "monotonous similarity" of patriarchal constraints, *Feminist Economics*, vol. 22, pp. 295—321.
- Kim, J., Lee, J.-W., Shin, K. (2016) *A Model of Gender Inequality and Economic Growth*, Asian Development Bank.

- Kim, H. (2020) Korea country note, *International Review of Leave Policies and Research 2020*, available from http://www.leavenetwork.org/lp_and_r_reports/ (accessed 21.03.2023).
- Kim, J. (2021) Sticky activism: The Gangnam station murder case and new feminist practices against misogyny and femicide, *Journal of Cinema and Media Studies*, vol. 60, iss. 4, pp. 37—60.
- Kim, T., Han, S., Lee, J.-M. (2022) Statistical yearbook of poverty 2022, *한국보건사회연구원*, China Statistics Press, pp. 35—82.
- Kim, Y., Lundqvist, Å. (2023) Parental leave reforms in South Korea, 1995—2021: policy translation and institutional legacies, *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*, vol. 30, iss. 4, pp. 1113—1136.
- Korea's Family Registration Law* (2018), The Law Office of Jeremy D. Morley, available from <https://www.international-divorce.com/family-registration-law-korea.htm> (accessed 27.02.2023).
- Lacalle-Calderon, M. et al. (2017) Fertility and economic development: quantile regression evidence on the inverse J-shaped pattern, *European Journal of Population*, vol. 33, no. 1, pp. 1—31.
- Lamb, M. E. (2010) How do fathers influence children's development? Let me count the ways, in: *The Role of the Father in Child Development*, 5th ed., John Wiley & Sons, pp. 1—26.
- Lee, Y. (2017) Women workforce in the Korean context, *International Review of Management and Marketing*, vol. 7, iss. 1, pp. 403—412.
- Moon, K. H. (2022) South Korea's misogyny problem, *East Asia Forum*, available from <https://www.eastasiaforum.org/2022/12/09/south-koreas-misogyny-problem/> (accessed 26.03.2023).
- Myrskylä, M., Kohler, H., Billari, F. (2011) *High Development and Fertility: Fertility at Older Reproductive Ages and Gender Equality Explain the Positive Link*: MPIDR Working Paper no. 2011-017, October, available from https://www.researchgate.net/publication/254404965_High_Development_and_Fertility_Fertility_at_Older_Reproductive_Ages_and_Gender_Equality_Explain_the_Positive_Link (accessed 28.03.2023).
- Patterson, L., Chang, H. (2016) Post-feminism in Korea and its impact on equal opportunity policies on gender gap, *International Journal of Knowledge and Innovation in Business*, vol. 3, no. 2, pp. 1—34.
- Rebrey, S. M. et al. (2023) Stimulirovanie rozhdaemosti na fone rasshirenii prav i vozmozhnostei zhenshchin: aktual'nye instrumenty semeinoi i trudovoï politiki [Stimulation of birth rate amid women's empowerment: relevant family and labor policy instruments], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 80—93.
- Seguino, S. (2000) Gender inequality and economic growth: a cross-country analysis, *World Development*, vol. 28, pp. 1211—1230.
- Seguino, S. (2010) Gender, distribution, and balance of payments constrained growth in developing countries, *Review of Political Economy*, vol. 22, no. 3, pp. 373—404.
- Seo, J., Choi, S. (2020) Introduction, *Journal of Asian Sociology*, vol. 49, no. 4, pp. 371—398.
- Seong, J. (2016) *Megalia: South Korea, Feminism, and the Internet Walk into a Bar... An STS Analysis of Nascent Korean feminism*, pp. 2—11, available from https://www.researchgate.net/publication/326331639_Megalia_South_Korea_feminism_and_the_Internet_walk_into_a_bar_An_STS_analysis_of_nascent_Korean_feminism (accessed 26.03.2023).
- Zhou, M., Kan M.-Y. (2019) A new family equilibrium? Changing dynamics between the gender division of labor and fertility in Great Britain, 1991—2017, *Demographic Research*, vol. 40, pp. 1455—1500.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 09.01.2024.

The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for publication 09.01.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Ребрей Софья Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, sofia rebrey@gmail.com (PhD in Economics, Associate Professor at the World Economy Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Богачева Виктория Витальевна — бакалавр, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия (Bachelor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).